

Author: Гольшанская Светлана

Музыкальная шкатулка

Ночь мягкой поступью шла на смену дню по нежно-розовой дороге опускающегося за линию горизонта солнца. Большой город кипел, словно муравейник, в котором вот-вот должны были захлопнуться на темное время все двери. Лишь старый часовщик Леонардо никуда не спешил. Сквозь увеличительное стекло он задумчиво разглядывал сложный механизм внутри шкатулки с чудными знаками и надписями на мертвом языке – последней работой сумасшедшего художника, который раньше жил в доме напротив.

Уже давно погасли огни в окнах, когда Леонардо оторвался от своей работы, так и не обнаружив причину поломки, накинул на плечи ветхий плащ и вышел на улицу. Он брел сквозь ночной город, не замечая дороги. Все его мысли роились вокруг шкатулки. Навязчивая идея не позволяла ему сосредоточиться на чем-то еще. Это продолжалось уже ни один месяц.

Леонардо сильно осунулся, стал похож на собственную тень, как будто его возраст решил догнать его и потребовать выплату с процентами за все то время, что он выглядел и чувствовал себя моложе своих лет. И все это из-за болезненного, почти бредового желания создать шедевр, который бы навсегда сохранил имя Леонардо в людской памяти.

Нет, этот изможденный седовласый старик никогда не был тщеславен. В юности у него был талант – сложные механизмы буквально покорялись его воле. Вставшие, казалось, на веке стрелки вдруг снова начинали свой бег, стоило ему лишь коснуться шестеренок и пружин внутри часов. С годами таинственный дар иссяк, оказавшись растраченным на пустяки. Теперь Леонардо был лишь искусным часовщиком, но не более. Как же он жалел, что

идея создать лучшую в мире музыкальную шкатулку не пришла ему в голову в молодости, когда он был на взлете... А теперь неловкие старческие руки да потерявшее остроту зрение оказались не в состоянии сослужить ему самую важную в жизни службу.

Вдруг сквозь поток мрачных мыслей пробилась дивная музыка, тихая, волнующая. Леденящие душу ноты страха в ней сменялись нежнейшими нотами сладкой безмятежности, а затем снова падали в пучину отчаяния, кружились в ночном воздухе вместе с серебристыми снежинками и, опадая, превращались в опьяняющее ликование. Только такой могла быть музыка ночи – пугающей, но вместе с тем пленяющей душу своей таинственностью.

Леонардо полетел на звук, как мотылек порой летит на огонь свечи, отринув здравый смысл. Старик вышел на главную площадь. В ярком свете фонаря он разглядел молодого юношу, самозабвенно играющего на скрипке. Глаза его были плотно закрыты, а лицо отображало полную отрешенность от суетного мира.

Леонардо заворожено уставился на музыканта. Рука сама полезла в карман за последней монетой. Не раздумывая, старик бросил ее в лежавшую на мостовой соломенную шляпу. Тотчас глаза юноши распахнулись, и он схватил часовщика за протянутую ладонь.

- Что желаешь, старик? – спросил он звонким насмешливым голосом.

Ошарашенный, Леонардо оглядывался по сторонам в поисках поддержки, но прохожие не замечали ни его, ни странного скрипача.

- Говори быстрее, я не могу ждать всю ночь, - поторопил юноша, смиряя его гипнотическим взглядом прозрачных светлых глаз.

- Хочу... - начал было часовщик, но от волнения не смог продолжить.

- Ну же, - настаивал музыкант. – Раз пришел, значит, бояться тебе уже нечего.

- Хочу, чтобы моя шкатулка работала, - наконец, нашел голос Леонардо.

- Смени оболочку и тогда она заработает, - блаженно улыбаясь, ответил музыкант и в тот же миг растворился в воздухе, будто и не было его.

Леонардо удивленно оглянулся, но, никого не обнаружив, уверился, что это всего-навсего игра воображения и вернулся домой. На завтра он переложил механизм в другую шкатулку. Цилиндр начал вращаться, как по волшебству цепляя за собой тонкие зубья стальной гребенки. Мастерская наполнилась удивительными звуками механической музыки.

Он растворялся в звуках собственной скрипки, все его существование перешло в совершенно иную ипостась, бесплотную, состоящую исключительно из нот и аккордов, легато и стакатто, крещендо и диминуэндо. Волны мощнейшего вдохновения бурливым пенистым прибоем из никогда прежде не играных мотивов накатывали на него, словно он был одиноким утесом посреди пустынного берега. Но вот из необозримой синевы к нему спустилась белая чайка. Неожиданно смычок сорвался, сфальшивил, гнусно предав своего раболепного слугу. Скрипач недовольно поморщился, чувствуя, как его буквально насквозь прожигает непрощенный взгляд. Наконец, музыкант открыл глаза.

Посреди людной площади стояла невысокая хрупкая на вид девушка с кукольным фарфоровым личиком. На щеках играл легкий румянец. Миниатюрные ручки прятались от ночной стужи в лисью муфточку. Широко распахнутые кристально-голубые воспалились от бесчисленно пролитых слез.

Скрипачу понадобилось несколько мгновений, чтобы справиться с накатившим вдруг оцепенением. Он снова поднял скрипку и, не отрывая взгляд от белокурой прелестницы, заиграл совсем другую мелодию. Завороженная, но вовсе не чудесной музыкой, а странным потусторонним

взглядом исполнителя, девушка сдалась и подошла к лежавшей на мостовой шляпе для податей.

Ее звали Ланой. Она была дочерью барона фон Бекендорфа. Вчера на рассвете она собиралась бежать в соседний город, чтобы тайно обвенчаться со своим нареченным. Жених ее был беден, как церковная мышь, да к тому же происходил из незнатного рода. Барон наотрез отказался благословить этот союз, поэтому Лана решилась на отчаянный поступок, который в результате погубил не только ее репутацию, но и лишил барона последнего здоровья – после известия о проступке дочери тот слег в кровать и больше не вставал.

Жених в условленное время не явился. Вдоволь наигравшись с наивной простушкой и оставив после себя кучу долгов, он поехал кутить и развлекаться дальше... один. Старший брат Ланы, едва вернувшийся со службы офицер, узнав о поруганной чести сестры и захворавшем отце, тотчас рванулся в погоню за мерзавцем, оставив девушку наедине с собственным горем.

Не в силах глядеть на больного отца, Лана, потерянная, целый день бродила по улицам никого и ничего не замечая. Но вдруг тьму отчаянья озарила яркая вспышка – она увидела его, таинственного рыжеволосого музыканта.

Словно во сне девушка достала из кармана золотую монету. Ее нагретую в муфте ладошку накрыла ледяная рука музыканта.

- Чего желаешь? - едва слышно прошептал он.

Глаза Ланы бесцельно блуждали по его лицу, будто разум силился найти заветный рычажок, чтобы выбраться из тенет гипноза. Впервые в жизни, а прожил он куда больше, чем может объять человеческий разум, музыкант ощутил сопротивление. Эта новизна добавила игре какую-то мучительно-приятную пикантность.

Скрипач склонился над самым ухом девушки и, почти касаясь ее по-детски нежной кожи, повторил:

- Чего желаешь?

Лана беззвучно пошевелила губами, не в силах произнести сокровенное, но для скрипача этого было достаточно.

- Иди домой, ложись спать, все будет, - ласково сказал музыкант, проводя дрожащей рукой по ее локонам.

Лана повернулась, как безвольная, подвешенная на нитках марионетка и зашагала прочь. Скрипач долго глядел ей вслед, пока тонкая изящная фигурка не скралась за углом улицы.

Улица совсем обезлюдела, но музыкант продолжал играть все так же самозабвенно. Не хватало лишь одной монеты, и он должен был получить ее сегодня до рассвета любым способом. Другой такой возможности еще долго не представится.

Скрипач почувствовал какое-то шевеление в конце улицы, мысленно уцепился за него, мгновенно меняя ритм и манеру игры. Теперь это была залихватская застольная мелодия, привлекающая именно такой тип людей.

Поздняя ночь не принадлежала безраздельно злым духам Преисподней. Были у нее и другие хозяева: лихой народ из грязных подворотен и темных оврагов на больших дорогах. Ночью не было нужды таиться в спасительной тени – та была повсюду. Разбойники и попрошайки, нищие и убогие, как ночные мотыльки, выныривали из узких переулков и глухих подвалов. Одна из них, оборвашка с огромным пузом, тяжело ступая отекающими ногами по брусчатой мостовой, заинтересованно приблизилась к музыканту. Уверившись, что простофиля ничего не видит, она запустила руку в соломенную шляпу. Но не успела она набрать пригоршню монет, как тысячи ледяных иголок впились

ей в кожу. Воровка отшатнулась и подняла глаза. Музыкант насмешливо глядел на нее, крепко вцепившись ей в руку.

- Не хорошо красть у слепых, - сказал он, растягивая каждое слово, чтобы оно болью отдавалось внутри головы глупой женщины.

- Пусти! – истошно завизжала она. – Я позову Одноглазого Князя!

- Он тебе не поможет, - снисходительно ответил скрипач. – Если, конечно, он не князь самой Преисподней.

Осознав, в какую беду она попала, женщина взмолилась:

- Пусти, а? На сносях я. Ребенок не сегодня-завтра родиться должен. Его хоть пожалей.

- Чтобы ты утопила его в речке за городом, как утопила троих до него? – скептически заметил музыкант. – Чего ты на самом деле желаешь?

Воровка испуганно сглотнула. Слова вырвались сами против ее воли:

- Хочу, чтобы он не рождался.

И, пораженная, замолчала.

- Не рождался, не был, не существовал,- музыкант чеканил каждое слово. Казалось, он наслаждался звуком собственного голоса не меньше, чем музыкой волшебной скрипки. - А ведь это похоже на милосердие. Избавить невинное создание от нужды созерцать убожество этого мира, ничтожность собственной матери и переживать ужас насильственной смерти...

Скрипач вдруг скорчил гримасу.

- Ты мне не нравишься. Какой толк соблазнять того, в ком не осталось и капли добродетели? Лучше я исполню его желание.

Женщина непонимающе уставилась на него.

- Знаешь, чего желает нерожденное дитя? Появиться на свет... каким бы жестоким этот свет не был. Лишь тот, у кого жизни нет, знает ее истинную

цену. Скоро ты тоже ее узнаешь.

Свободная рука скрипача легла на чумазое лицо оборванки. Та успела лишь приоткрыть рот в беззвучном крике. Плоть ее покрылась язвами, почернела и прахом развеялась в холодном предрассветном воздухе. На руках у скрипача остался новорожденный младенец с огненным хохолком на голове. Ребенок спал и сладко улыбался во сне, не ведая о свершившемся только что злодействе. Скрипач бережно укутал его в одею, появившееся будто бы из ниоткуда, и подошел к церкви. С нижней ступени он поднял пыльную монету, а на ее место положил ребенка.

Вернувшись к своей шляпе, скрипач собрал деньги, спрятал скрипку в футляр, хлопнул в ладоши и громко объявил:

- Что ж, партии розданы, актеры назначены. Самое время начать представление!

Тяжелая органная музыка переполняла просторную церковную залу настолько, что она казалась тесной. Хор высоких мальчишечьих голос вступал в поединок с музыкой за право усладить слух прихожан. Ни одна из сторон не желала проигрывать, но, обессилев, непримиримые противники находили компромисс, сливаясь в одно целое и, наконец, наступала гармония. Но такие моменты были редки и приходились, как правило, на конец мессы.

Голова Ланы была повернута в сторону от хора. Взгляд ее потерянно блуждал по триптиху «Страшный суд», замирая на изображениях падших ангелов. Мысли тоже путались, перескакивали с одного на другое, рассеивались так, что девушка не могла уцепиться ни за одну из них. Вдруг на ее плечо легла рука. Лана вздрогнула от неожиданности и обернулась. Рядом стоял снисходительно улыбающийся священник. Только в этот миг девушка осознала, что месса закончилась, и прихожане начали расходиться, оставляя

небольшие пожертвования у входа.

- Простите, святой отец, я задумалась, - поспешно извинилась Лана, смиренно целуя руку священника.

- Вам не за что извиняться, дитя мое, - ласково ответил он, но тут его перебил тощий мальчишка-хорист с босяцким именем Люк.

- Госпожа Лана, я так рад, что вы все-таки пришли... Правда, было здорово? – спросил он нетерпеливо.

- Правда, Люк, - усмехаясь, ответила девушка. – Гляди, я кое-что тебе принесла.

- Подарок? – глаза Люка удивленно расширились.

Лана протянула ему небольшой сверток, внутри которого находилась скрипка, сработанная лучшим мастером в городе. Тут же забыв обо всем на свете, мальчик начал увлеченно исследовать дорогой подарок.

- Какой чистый звук! – восхищенно восклицал он, наигрывая простенькие мелодии. – Удивительно!

Меж тем Лана снова повернулась к священнику.

- Это пожертвования для бедных, - тихо сказала она, протягивая ему пухлый кошель с деньгами.

- Вы как всегда слишком щедры, дитя мое.

- Но святой отец, разве можно быть слишком щедрым? - возразила девушка. – Ведь каждый христианин должен заботиться о ближних... Но не будем об этом. Я хотела узнать, говорили ли вы со священником из Неаполя? Он сможет устроить Люка в консерваторию?

- Думаю, да. У мальчика абсолютный слух. При должном старании его обязательно примут, особенно с таким покровителем, как вы, дитя мое.

Девушка просияла.

- Госпожа Лана, вот послушайте, - снова перебил священника хорист.

Мальчик глубоко вздохнул и закрыл глаза. Смычок легко заскользил по струнам. Лана неожиданно побледнела.

- Что это за мелодия? – испуганно спросила она.

Хорист недоуменно пожал плечами:

- Не знаю. Наверное, где-то на улице услышал. Она показалась мне красивой, вот я ее и запомнил. Вам не нравится?

- Нет, пожалуйста, не играй ее больше, - резче, чем хотела, сказала Лана.

– Мне... Мне уже пора. До свидания, святой отец.

Девушка, ничего толком не объяснив, выбежала на улицу.

- Что это с ней? – недоуменно спросил священник. Люк лишь развел руками.

На улице ярко светило солнце. После полумрака церкви Лане приходилось щуриться. Она бегом спустилась со ступенек и, забыв о степенной походке замужней дамы, быстрым шагом направилась прочь от церкви.

- Куда торопишься, красавица? – остановил ее ехидный мягкий тенор.

Девушка едва не подпрыгнула на месте и оглянулась на говорившего. Перед ней стоял рыжеволосый скрипач, тот самый, которого она видела на главной площади десять лет назад. На земле возле него сидело несколько громадных черных крыс с маленькими красными глазками.

- Ты? Но как? Я думала, ты – сон, - то ли от удивления, то ли от испуга она начала говорить какую-то несуразицу.

- Разве я похож на сон? Скорее на кошмар, - самодовольно ухмыляясь, ответил он. – Но... я вполне реален. Можешь проверить.

- Не хочу, - поморщилась девушка. – Зачем ты вернулся спустя столько лет?

- Ты не рада меня видеть? Я пришел собрать должок с этого города. Я старательно исполнял ваши желания, теперь пришел ваш черед.

- Ж-желания? – вдруг затрепетала Лана.

- Именно. Кажется, ты пожелала выйти замуж, - напомнил он. – Разве я не исполнил твое желание?

Одна из крыс повернулась к девушке, встала на задние лапы и заинтересованно зашевелила усами, к чему-то принюхиваясь.

- Я не этого хотела, - девушка понурила голову, вспоминая своего никчемного благоверного, который в последнее время только и знал, как ходить по кабакам, да изменять.

- Неужели? – теперь его тон стал снисходительным, и от этого было еще обидней. – Ладно, сегодня я великодушен. Дай мне руку, и я избавлю тебя от необходимости наблюдать печальную участь этого города.

- Нет, - Лана отпрянула от него, как от ядовитой гадины.

- Нет? – разочарованно вздохнул скрипач. – Что ж, вскоре ты приползешь ко мне на коленях, и я подумаю, смилостивиться над тобой или нет.

- Никогда этого не будет, - выкрикнула девушка, пытаясь таким способом преодолеть испуг. – Слышишь, никогда!

Лана со всех ног кинулась прочь под зловецкий хохот скрипача. Остановилась она только возле дома, прижалась к стене у двери, чтобы перевести дыхание. Откуда-то изнутри донесся странный грохот, как будто что-то тяжелое упало на пол. Девушка дрожащими руками открыла дверь и громко вскрикнула – рядом с лестницей, ведущей на второй этаж, бездыханным телом лежал ее муж. Лана подбежала к нему и перевернула на спину. По его лбу градом катился пот, губы едва заметно подрагивали, на опущенных веках трепетали ресницы.

На крик сбежались слуги. Быстро взяв себя в руки, Лана велела им отнести мужа в его комнату и послала за лекарем, что жил на соседней улице. После короткого осмотра тот с мрачным видом констатировал:

- Чума.

- Ч-что? – от потрясения начала заикаться Лана.

- Это чума. Смотрите, у него появились бубоны вот здесь и здесь, - лекарь указал на темно-фиолетовые нарывы на ногах и возле подмышек больного. - Похоже, в городе начался мор. Это уже шестой больной за сегодня. Вчера было еще с два десятка.

- Но можно ведь что-то сделать?

- Я могу попробовать вскрыть бубоны и прижечь их раскаленной кочергой.

Лана кивнула, с трудом сдерживая слезы отчаяния. Она заставила себя смотреть, как лекарь вырезает гнойный фурункул, как из глубокой раны сочиться мутная кровь и застывает густой массой.

- Смазывайте этим воспаленные места каждые два часа, - лекарь протянул ей бутылку с дурно пахнущей темной жидкостью. – К ночи жар должен спастись, но если начнется кашель, то я не смогу больше ему помочь.

Прошло несколько дней. Муж Ланы медленно шел на поправку - жар спал, и девушка надеялась, что худшее уже позади. Но все же, как только он пришел в себя, Лана снова почувствовала себя угнетенной и несчастной. Она больше не могла находиться у его постели и использовала любой предлог, чтобы уйти из дома. Девушка, сама этого не осознавая, снова бродила по улицам города, не разбирая дороги, как делала это десять лет назад в тот роковой день.

Во время одной из таких прогулок Лана слышала знакомую мелодию, только исполняла ее не скрипка. Девушка замерла, оглядываясь по сторонам. Она готова была поклясться, что музыка доносилась из лавки часовщика через дорогу. Девушка мгновение помедлила, а затем, собравшись с духом, вошла внутрь.

Полки с потолка до пола занимали разнообразные часы: настенные с кукушкой, напольные с боем, маленькие и большие, из темного и светлого дерева, с резным орнаментом по бокам и с танцующими оловянными фигурками. На прилавке были выставлены искусной работы шкатулки, такие же неповторимые и прекрасные, как окружавшие их часы.

- Чего изволите, госпожа? – спросил у нее почтенный седовласый старик.

- Только что здесь играла музыка, - сказала Лана.

Старик повернул несколько раз заводной ключ в той шкатулке, что он держал в руке. Заиграла до боли знакомая мелодия.

- Какая прелесть! – изо всех сил стараясь выглядеть восхищенной, воскликнула Лана. – Я бы хотела купить эту шкатулку. Сколько она стоит?

- Она не продается, - непреклонным тоном ответил часовщик. – Выбирайте любую другую.

- А они играют такую же мелодию?

- Нет, они все разные и все одинаково хороши.

- Но я хочу эту! – капризно надувая губки, заявила Лана, представляя, как нелепо она должна сейчас выглядеть.

- Она не продается, - упрямо повторил старик.

- Тогда... тогда... - Лана уже не знала, что придумать. – Тогда дайте мне вот эту.

Неожиданно она переключила внимание на другую шкатулку со странными знаками на стенках и крышке.

- Это пустышка – в ней нет механизма, - покачал головой часовщик.

- Тогда отдайте мне ее за полцены, - нашлась вдруг Лана.

- Хорошо, - старик недоуменно пожал плечами и вручил ей шкатулку сумасшедшего художника. Все равно ни один механизм внутри нее не работал.

- Как ваше имя? – неожиданно спросил девушка, отсчитывая монеты, чтобы расплатиться.

- Леонардо, - безразлично представился старик.

- Я Лана. Господин Леонардо, можно я еще к вам загляну... попозже.

- Я всегда рад покупателям, - ответил часовщик таким тоном, как будто имел ввиду совсем обратное.

Лана попрощалась, вышла из лавки и тут же столкнулась нос к носу с рыжим скрипачом. Тот противно ухмылялся, беззастенчиво разглядывая раскрасневшееся лицо девушки. Крыс вокруг него стало заметно больше.

- Что ты здесь делаешь? – обрета дар речи, спросила Лана.

- Ничего особенного.

- Ты врешь.

- Вру. Я же демон, в конце концов. Демоны всегда врут.

- Демон? – девушка задумчиво перевела взгляд на мерзкую свиту скрипача. Внезапно ее поразила удивительная догадка. - Это ты виноват в несчастьях этого города. Это ты принес сюда чуму!

- Ты мне льстишь. Я всего лишь исполнитель, проводник чужой воли. Три последних монеты, три последних желания сломали печать и позволили злу проникнуть в этот мир. Теперь весь город обречен.

- Останови это, заведи болезнь. Тогда... тогда я пойду с тобой.

- Не могу. Колесо запущено. Остановить его не под силу даже мне. Но, может, оно и к лучшему. У болезни ведь всего два исхода: либо смерть, либо

освобождение.

Лана открыла было рот, чтобы возразить, но ее слова заглушил звон колоколов. Громокая колесами по брусчатой мостовой на улицу въехала повозка, запряженная двумя дряхлыми клячами. Правил ими укутанный в черный плащ с ног до головы гробовщик. Он то и дело останавливался и во весь голос кричал:

- Выносите своих мертвых! Выносите своих мертвых!

Из домов тащили завернутые в холщевые саваны тела и скидывали в повозку.

Лану передернуло от ужасного зрелища. Казалось, что с ее глаз впервые спала пелена, и она вдруг увидела, что чума уже безраздельно властвует над городом, пирует почти в каждом доме.

Гоня страх прочь, Лана вновь повернулась к скрипачу, но того уже и след простыл. Грустно вздохнув, девушка зашагала к церкви. Туда доставляли тяжело больных со всего города. Внутри стоял тошнотворный смрад гниющей плоти. Одетые в черные мантии и похожие на птичьи клювы маски из белой кожи между рядами больных ходили лекари. Лану в зал не пустили, но услышав шум, священник сам вышел ей на встречу.

- В чем дело, дитя мое? Вашему мужу стало хуже? – встревожено спросил он, вглядываясь в ее бледное лицо.

- О, нет, он идет на поправку. Я просто... хотела спросить...

- Ну же, дитя, не бойся, говори все без утайки.

- Что вы знаете о демонах?

- Демонах? – обескуражено переспросил священник. – В некоторых писаниях упоминаются падшие ангелы, которые вместе с Люцифером восстали против Господа. После мятежа они были низвергнуты с небес в ад. Иногда они появляются на земле, чтобы соблазнить и погубить невинные души и увлечь их

вместе с собой в Преисподнюю.

- А... есть ли среди них демон, играющий на скрипке?

Священник смерил девушку тяжелым взглядом, но потом вдруг смягчился. Он велел Лане подождать его, а сам вошел обратно в церковь и через несколько минут вернулся с увесистым фолиантом в темной обложке, на которой серебряными литерами было написано Lemegeton. Священник перелистал страницы и указал на гравюру, изображавшую козлоного скрипача с ослиными ушами.

- Это Белех, один из главных в иерархии демонов Преисподней. Он соблазняет людей с помощью музыки, в которой те слышат обещания того, чего жаждет их душа: богатства, славы, любви...

- А мог ли он наслать на наш город чуму?

- Дитя мое, чума - это тяжелое испытание. Я понимаю, вы пытаетесь найти причину, но не стоит обращаться к таким темным материям, как демоны.

Лана поджала губы и еще раз пробежала глазами по странице.

- Что это за знаки?

- Это печати. Чернокнижники считают, что с их помощью демонами можно управлять, но, я смею надеяться, что вы не станете интересоваться подобным ремеслом, - священник отер опухшие от бессонных ночей глаза краем рукава. - Даже в этот страшный час ищите спасение в Боге, а не в ложных мистических практиках еретиков. Молитесь, дитя мое, молитесь, и Господь дарует нам всем спасение.

- Спасибо, святой отец, - смиренно сказала девушка, поцеловала руку священника и пошла прочь от церкви.

Свернув с главной площади в темный переулок, она достала из рукава шкатулку и задумчиво провела пальцем по знакам на крышке, которые точь-в-точь повторяли те, что она видела в книге священника.

Домой Лана вернулась поздно, когда уже начало смеркаться. Муж ее пребывал в скверном настроении и не преминул упрекнуть ее за долгое отсутствие.

- Я ходила в церковь, - устало отвечала ему девушка.

- Молиться-то ты никогда не устаешь, - недовольно сощурился он. – Или опять своего голодранца навещала? Я не стану оплачивать его учебу.

- Его учеба будет оплачена с тех денег, что оставил мой отец, - в ее голосе, откуда ни возьмись, появились стальные нотки.

Муж вознегодовал от такой дерзости и хотел схватить ее за ворот платья, но Лана вовремя отпрянула, и в его руках остался лишь воздух. Из-за резкого движения рубаха больного чуть сползла с груди.

- Что это? – вдруг насторожилась Лана и вновь подошла к кровати. – У тебя снова появились бубоны? До чего большие... и, по-моему, жар начинается. Надо лекаря позвать.

- Нет, ты никуда не пойдешь! – закричал он, схватив ее за запястье.

В этот момент открылась дверь и внутрь заглянула служанка.

- Госпожа Лана, к вам пришли, - сообщила она прежде, чем успела заметить постыдную сцену.

- Кто еще? – недовольно осведомился муж.

- Мальчик из приюта. Кажется, его Люк зовут, - ответила служанка.

- Не успел я лечь в могилу, как ты уже сюда этого воришку приглашаешь?! Не позволю! – он хотел еще что-то сказать, но тут зашелся кашлем и выпустил руку своей жены.

Лана испуганно выдохнула, глядя, как с его губ стекает кровавая пена.

- Лекаря, срочно! – приказала она служанке и стремглав выскочила из комнаты.

Лана с трудом нашла в себе силы, чтобы не расплакаться – понимала, что это конец. Муж не поправится. Переведя дух, она, наконец, нашла в себе силы спуститься в холл, где ее ждал Люк.

- Что-то случилось? – встревожено спросил мальчик, разглядывая ее осунувшееся усталое лицо. – Вы не заболели?

- Нет-нет, не беспокойся, - заверила его девушка. – А ты?

- Нет, но в приюте уже никого не осталось. Тех, кто еще жив, перенесли в церковь. Я слышал, что вы приходили к святому отцу, а меня не позвали... я испугался, что... вы меня забыли.

- Что ты. Просто... мой муж заболел и... мне кажется, что он умирает, и я... ничего не могу с этим поделать, чувствую себя такой никчемной и слабой. Бездействие убивает. Я готова на все, что угодно...

- Я могу чем-то помочь? – заглядывая ей в глаза, спросил мальчик.

- Чем ты тут поможешь? Разве что... сыграй для меня ту мелодию, которую исполнял в церкви.

Всем видом выражая сочувствие, Люк достал скрипку и заиграл. Наслаждаясь сладкой музыкой, Лана отрешенно глянула в окно и увидела стоявшего возле ее дома Белеха. В голову ей пришла дичайшая по своей дерзости мысль.

- Люк, мне нужно, чтобы ты взял у святого отца одну книгу.

- Так попросите ее сами. Святой отец не очень-то мне доверяет.

- Ты не понимаешь. Нужно взять книгу без его ведома. Сам он ее никогда не даст.

- Вы просите меня ее украсть? Но вы же сами говорили, что воровать плохо.

- Мы не будем ее воровать, а позаимствуем на время.

- Разве это не одно и то же?

- Здесь говорится, что Белеха можно запечатать внутри такого пентакля, как на шкатулке, но для этого нужно его туда заманить. Но как?.. - Лана сидела рядом с Люком на скамейке в опустевшем парке, отчаянно стараясь что-то придумать. Несколько часов назад ее муж впал в беспамятство. Лекарь сказал, что до утра он не протянет.

- Надо его поймать, как мышь в мышеловку. Может, он тоже любит сыр? – услужливо предложил Люк.

- Не думаю, что демоны чувствуют вкус человеческой пищи. Должна быть другая приманка...- взгляд Ланы случайно упал на скрипку. – Первый раз я его увидела на площади, потом возле церкви, у лавки часовщика и под окном собственного дома. И каждый раз звучала эта музыка. Это она его привлекает!

- Но как засунуть музыку в шкатулку? – недоуменно спросил мальчик.

- Как? – озадаченно повторила девушка. – Часовщик знает, как это сделать!

Лавка Леонардо единственная оставалась открытой, несмотря на чуму. Старик без устали продолжал мастерить часы и музыкальные шкатулки, хотя покупателей не было уже почти месяц. Поэтому он был очень удивлен, увидев у себя на пороге двух странных посетителей.

- Я покупала у вас шкатулку со странными знаками, помните? – начала Лана. – Мне нужно, чтобы вы вставили туда механизм с музыкой, как в той шкатулке, которую вы не стали мне продавать.

- Это невозможно.

- Но почему? Я хорошо вам заплачу.

- Ничего не выйдет. Я потратил двадцать лет, чтобы сдодать для нее механизм и все без толку - ни один не заработал.

- Но ведь можно что-то сделать?

- Что? Я стар, немочен и бездарен. Найдите молодого мастера, может ему удастся то, что не вышло у меня.

- Как это бездарен? Но ведь вы мастерите такие прекрасные вещи. Вы... вы ведь наверняка тоже видели Белеха.

- Кого?

- Демона со скрипкой. Он играл ту же мелодию, что в вашей шкатулке. Что вы тогда пожелали?

- Шкатулку. Я попросил его научить меня делать механизмы для шкатулок.

- И как он вам помог?

- Просто посоветовал выбрать другую. Раньше я работал только с вашей.

Лана достала из кармана шкатулку и забарабанила пальцами по крышке.

- А может, ей просто мелодия не нравится? – робко предложил Люк.

Леонардо с Ланой удивленно переглянулись. Не услышав возражений, мальчик продолжил:

- Может, попробовать другую? Я много их для консерватории разучил.

- Не-е-ет, - протянул старик. – Здесь нужно что-то очень особенное, раз она даже музыку того скрипача отказалась принимать.

- А я знаю, какая ей нужна музыка, - вдруг выпалила Лана. – Люк, можешь наиграть?

Она пропела тот самый второй мотив, что Белех исполнял только для нее. Немного помучавшись, мальчик смог в точности его воспроизвести и записал ноты. Пока Люк возился с мелодией, Лана рассказала старику про демона, чуму и их план по спасению города. Тот легко согласился помочь – видно, что от отчаяния он тоже был готов поверить во все, что угодно, лишь бы избавиться

город от «Черной смерти», виновником которой он себя чувствовал. Уговорившись встретиться с Леонардо, когда механизм будет готов, Лана с Люком вышли из лавки. Мальчик махнул рукой на прощанье и пошел вдоль улицы, ведущей к церкви.

Дом Ланы находился в противоположном направлении. Как только Люк скрылся за поворотом, вокруг Ланы начали собираться крысы. Толстые, с лоснящейся черной шерстью и кроваво-красными глазами, они волной хлынули на девушку, оттесняя ее в темный переулок. Лана подобрала юбки и побежала, надеясь выбраться на широкую улицу, но просвета между домами нигде не было. В конце концов, девушка уперлась в тупик и только тогда решилась обернуться. Крысы окружили ее со всех сторон, но ближе, чем на два шага, подступать не смели и лишь тарацились на нее, становясь на задние лапы и вытягиваясь во весь рост. Неожиданно послышалась знакомая музыка, но сейчас в ней звучало столько угрозы и ненависти, что душа Лана, и без этого трепетавшая перед полчищем злобных тварей, ушла в пятки. Тьма в переулке начала сгущаться, пока не приобрела очертания человеческой фигуры. Крысы бросились в стороны, освобождая дорогу, и из черноты широкой поступью вышел Белех. Его светлые глаза пронзительно сверкали, губы сжались в узкую полоску, а рыжие волосы, будто танцующие языки пламени, развивались на ветру.

- Что ты творишь, неблагодарная? Смерти хочешь? – прошипел он сквозь стиснутые зубы, приблизившись вплотную к Лане. – Разве не видишь, что это бесполезно? Смерть уже повсюду, в каждом доме, в каждой постели. Город обречен.

- Зато я смогу спасти другие города, невинные души... - упрямо глядя на него, ответила девушка, спиной вжимаясь в каменную стену.

- Глупышка, в этом мире невинных не осталось. Его лихорадит от грехопадения и святотатства. Я, как преданный лекарь, обязан облегчить его страдания своей музыкой и избавить от заразы, которая зовется человечеством.

- К чему эти разговоры? – неожиданно оборвала его высокопарную речь девушка. – Я ведь тоже человек.

Демон навис над самым ее лицом, ледяными пальцами коснулся румяной от бега щеки. Глаза его тут же потухли, а черты приобрели легкий оттенок грусти.

- Даже если ты победишь, от меня тебе не избавиться никогда...

- Пока смерть не разлучит нас? – с иронией произнесла Лана слова свадебной клятвы.

- И даже после, - едва слышно прошептал Белех и растворился в воздухе.

Крысы больше не преграждали ей дорогу, но Лана еще долго не смела сдвинуться с места, не замечая как по лицу катятся крупные слезы, оставляя за собой соленые дорожки.

Два дня Леонардо трудился над шкатулкой, не прерываясь даже на обед. Город совсем обезлюдел. Ланин муж умирал в жутких муках. Девушка всю ночь просидела у его кровати, пока его тело не остыло. Тогда гробовщики увезли его куда-то за город, чтобы сжечь с другими зловонными трупами.

Когда шкатулка была готова, Лана с Люком вновь пришли в лавку часовщика и принесли с собой свечи, мел, ладан и травы для ритуала. Лана начертила на полу под столом странные знаки, как было показано в книжке, расставила по кругу свечи. Люк окурив комнату ладаном и травами. Часовщик же в это время хмуро наблюдал за ними.

- Все готово, - тихо сообщила Лана. – Сейчас вы уйдете, и я заведу механизм. Когда Белех окажется внутри шкатулку, я захлопну ее и брошу в камин. Она сгорит, и тогда демон уж точно никогда оттуда не выберется.

- А если он убьет вас, что тогда? – поинтересовался Леонардо. Люк задрожал от такого предположения.

- Значит, так тому и быть, - решительно сказала девушка. – Через некоторое время вы вернетесь и если... если я не успею сжечь шкатулку, вы должны будете сделать это сами.

- Но вы же еще так молоды и даже не знаете той жизни, от которой так легко отказываетесь... Нет, рисковать должен я, а не вы.

- Но ведь вы – мастер. Вы делаете такие прекрасные вещи. Без вас мир лишится всей этой красоты, - Лана обвела рукой полки, уставленные шкатулками и часами. - А я... я никто. Если меня не станет, мир это вряд ли заметит.

- Это не так. Вы личность, смелая и сильная. Ваша слава впереди, а у меня все уже в прошлом. Сколько лет я еще смогу работать? Год? Два? Нет, я сделал свой шедевр. Пора уйти со сцены, пока я на взлете, пока не стал страшной брюзгливой выжившей из ума развалиной. Я хочу, чтобы меня помнили таким, какой я сейчас... Хотя бы вы и этот мальчик.

Лана обессилено опустила руки. Люк потянул ее прочь из лавки. Бросив на часовщика последний взгляд, Лана затворила за собой дверь, так и не отважившись сказать старику последнее прощай.

Леонардо подошел к столу, помедлил мгновение, собираясь с духом, и повернул ключ.

- Жаль, что мой шедевр так никто и не увидит, - с неведомой ему прежде светлой грустью сказал старик.

Заиграла нежная мелодия первой искренней любви. По кругу внутри шкатулки побежали три механические фигурки: мальчик со скрипкой, белокурая девушка и седовласый старик. Следом за ними гналось жуткое извергающее пламя чудовище с ослиными ушами. Вот оно отделилось от

железной модельки и превратилось в ехидного рыжеволосого юношу-скрипача. Он снисходительно глянул на старика, досадливо покачал головой и ударил часовщика ладонью прямо в грудь, где билось сердце. Из шкатулки поднялся огромный смерч. Демон обреченно взглянул на разверзнувшуюся над его головой воронку прежде, чем та поглотила его тело, и втянула внутрь хитроумной ловушки.

Из последних сил цепляясь за жизнь, Леонардо захлопнул крышку шкатулки и тут же рухнул замертво. На лице его застыла покойная улыбка – ведь на этот раз он все сделал правильно.

Лана с Люком вернулись в лавку через час. Девушка взяла со стола закрытую шкатулку и с размаху швырнула в камин, и перевела взгляд на старика. На его лице застыла блаженная улыбка. Лана опустилась на колени и прикрыла его глаза.

- Она не горит, - сообщил Люк, ворочая кочергой угли в камине.

- Что? – нахмурилась девушка.

- Шкатулка не горит, - пояснил мальчик.

- Что ж... - задумчиво ответила Лана. – Мне придется забрать ее с собой, иначе ее кто-нибудь может ее случайно открыть.

«Пока смерть не разлучит нас... и даже после», - прозвучал в ее голове мелодичный, удивительно безмятежный голос демона.

Белех оказался прав. Город вымер почти полностью. Чума забрала всех, до кого смогла дотянуть костлявые ручищи. Выбраться удалось лишь двоим...

Вскоре Люка приняли в консерваторию в Неаполе. Он стал знаменитым композитором. Его оригинальными, ни на что не похожими мотивами восхищались современники и те, кто жили много позже его времени. Произведения Люка до сих пор исполняют самые виртуозные скрипачи во всем мире.

Лана, переодевшись в мужское платье, отправилась в Рим, где приняла сан. После себя она оставила обширные комментарии к Малому ключу Соломона и описания более 200 обрядов экзорцизма, а так же дневниковые заметки, содержание которых до сих пор не дает покоя многим ученым. Но больше всего загадок таит ее могила, где в тихий предрассветный час всегда звучит нежная чарующая музыка невидимой скрипки.